

ИСТОРИЯ ФИНАНСОВ И УЧЕТА

И. Н. Львова

канд. экон. наук, доцент кафедры управленческого и финансового учета и отчетности Санкт-Петербургского государственного экономического университета

Н. А. БЛАТОВ: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ (К 140-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

*Науку творят люди, и ее история
включает жизнеописание ученых
как важную составную часть.*

А. В. Аникин

Введение

В апреле этого года исполняется 140 лет со дня рождения Николая Александровича Блатова (1875–1942). Юбилей всегда является поводом для того, чтобы обратить внимание на заслуги ученого, его вклад в развитие науки. О Н. А. Блатове как ученом известно достаточно много. Я. В. Соколов характеризует его как последователя Е. Е. Сиверса, продолжателя его дела, сторонника обучения от счета к балансу, характерного для петербургской научной школы и отличного от московской. Николаю Александровичу принадлежит модель, иллюстрирующая и объясняющая двойную запись на счетах как следствие обмена (мены) ценностей. Эта модель названа его именем: «квадрат профессора Блатова» (Соколов, 1996, с. 459–460).

В наследии Блатова большое место занимает его фундаментальный труд под названием «Балансоведение» (1928). В. В. Ковалев рассматривает эту работу как попытку изложить основы самостоятельной учетной науки, направленной на интерпретацию и анализ баланса. Несмотря на то, что «Балансоведению» свойственны черты научного исследования, эта книга оказалась очень полезной практикующим специалистам благодаря четкому и ясному стилю изложения (Ковалев, 2003, с. 225–230).

Но есть еще одна особенность юбилейной даты: это время воспоминаний о пройденном жизненном пути. А. В. Аникин заметил, что творчество ученого, как деятельность одного человека в главных своих чертах определяется временем и местом (Аникин, 1985, с. 5). В этом смысле юбилей Н. А. Блатова побуждает к тому, чтобы восполнить неизвестные факты его биографии.

Отец

Фамилия Блатовых имеет ярославские корни. На форуме Ярославского историко-родословного общества размещены материалы о многочисленных носителях этой фамилии. Большинство из них происходит из г. Мологи, но есть упоминания и о даниловских Блатовых. Николай Александрович Блатов принадлежит именно к ним. В жизнеописании от 1933 г. и автобиографии от 1937 г. он указывает, что

его отец Александр Николаевич Блатов (?–1906) родился в деревне Бор Боровской волости Даниловского уезда Ярославской губернии (Архив ИНЖЭКОНа, личн. дело Н. А. Блатова, л. 91, 106). В юности он работал в деревне, потом был маляром и лепщиком. Получив, как пишет о нем сын, самоучкой некоторое образование, Александр Николаевич вступил в Полуярославскую биржевую артель и до конца жизни был артельщиком.

О биржевых артелях, как своеобразной форме товарищества, образуемого для выполнения определенных работ или оказания услуг в настоящее время известно не так много. Небогатая литература по этой проблеме, изданная в период расцвета артельных товариществ, не вовлечена активно в современный научный оборот¹. По этой причине, но главным образом потому, что А. Н. Блатов состоял в Полуярославской биржевой артели в течение сорока лет, стоит уделить ей некоторое внимание.

Полуярославская биржевая артель принадлежала к старейшим в Петербурге и наиболее известным артелям своего времени. Начало созданию этого типа артелей, как и многим другим начинаниям, было положено при Петре I. Строительство Санкт-Петербургского порта и установление торговых отношений с зарубежными странами сформировали потребность в новом для своего времени виде труда: обслуживанию потока товаров. Эта потребность в то время не могла быть удовлетворена горожанами новой столицы, и в Петербург устремились жители близлежащих губерний.

Рассматривая происхождение биржевых артелей в пору их развития, в 1870-е, Г. А. Немиров отмечает, что артельная форма труда при обслуживании порта была привнесена приезжими, среди которых преобладали крестьяне, и применялась в силу народной привычки. Частью добровольно, а отчасти и по правительственным распоряжениям ряды артельщиков пополнялись выходцами из губерний северной и центральной России: Архангельской, Вологодской, Ярославской, Костромской, Московской, Владимирской (Немиров, 1876, с. 11–12)². К середине 1870-х в Петербурге насчитывалось 24 биржевые артели (Там же, с. 13–14). Общее число артельщиков в них составляло более двух с половиной тысяч человек (Там же, с. 15–16).

Нередко место, откуда приехали основатели и большинство членов артели становилось частью ее названия. Так, в 1714 г. в Петербурге была создана Ярославская артель, от которой в 1758 г. отделилась Полуярославская³. Один из старейших артельщиков А. Ф. Калинин вспоминал, что на его памяти все участники Полуярославской артели были либо Даниловского, либо Ярославского уезда Ярославской губернии (За полтораста лет, 1908, с. 12). Сметливость и находчивость ярославцев — качества, так необходимые артельщику — еще в 1847 г. отмечал В. В. Толбин, автор «физиологического очерка» о людях, рожденных в этой губернии⁴.

¹ Для знакомства с проблемой можно рекомендовать работу (Лизунов, 2006).

² По данным известного издания Центрального статистического комитета «Санкт-Петербург», приведенным Немировым, в 1864 г. по месту рождения артельщики распределялись следующим образом: Архангельская губерния — 21%; город Санкт-Петербург — 16,9%; Санкт-Петербургская губерния — 10,1%; Тверская губерния — 6% и Вологодская губерния — 5,8% (Немиров, 1876, с. 17–18).

³ В юбилейном издании, посвященном 150-летию Полуярославской биржевой артели, упоминаются артельные предания о том, что причиной ее отделения от Ярославской артели явилась распря, возникшая в ноябре 1758 г., когда после летних работ происходил дележ заработков (дуван) (За полтораста лет, 1908, с. 11).

⁴ Прочитируем здесь лишь один, небольшой, но красочный фрагмент из очерка В. В. Толбина: «Ярославцы — народ нежный, деликатный, не марающий своих круглых лиц ни известкою,

Немиров пишет, что Полуярославская артель принадлежала к тем артелям, личный состав которых увеличивался особенно быстро (Немиров, 1876, с. 15–16). В 1795 г. в ней состояло 63 артельщика, в 1893 г. число артельщиков превысило 200 человек, к 1905 г. их было более 500, а в 1908 г., когда отмечался 150-летний юбилей артели, она объединяла 594 члена (За полтораста лет, 1908, с. 7).

Александр Николаевич Блатов стал членом Полуярославской биржевой артели, когда она вступила во второе столетие своего существования. В списке артельщиков указан год его приема — 1866 (ЦГИА, ф. 1538, оп. 1, д. 109, л. 19). Порядок вступления в то время был установлен правилами, составленными еще в 1849 г. после отделения от Ярославской артели. В 1869 г. эти правила были переработаны и утверждены общим собранием Полуярославской артели. От старой версии они отличались большей определенностью положений и конкретизацией ответственности артельщиков (Правила..., 1870, предисловие, с. I). В 1888 г. артель приобретает новый правовой статус: Министерство финансов утверждает ее устав — одним из первых среди артельных товариществ (За полтораста лет, 1908, с. 10).

По правилам 1869 г. — А. Н. Блатов стал артельщиком лишь тремя годами раньше — каждый вступающий в артель должен был удовлетворять определенным условиям: быть честного, трезвого и благонадежного поведения; уметь читать и писать; быть лично известным с хорошей стороны нескольким артельщикам; иметь одного из артельщиков поручителем (по первоначальному взносу) и не иметь важных телесных недостатков (Правила..., 1870, с. 12). Часто за нового члена артели поручались его земляки¹. К прошению прилагались свидетельство о неподсудности (выданное приставом) и выписка из метрической книги.

Для вступления в биржевую артель требовались немалые по тем временам средства. Размер первоначального взноса — вкупной суммы или вкупа — составлял в разных артелях от 860 до 1600 руб. (Немиров, 1876, с. 51–52). Некоторые артели, но далеко не все, допускали рассрочку платежа. В таком случае вкуп, как правило, увеличивался². В Полуярославской биржевой артели при единовременном взносе вкупная сумма составляла 1000 руб., а на условиях рассрочки — 1100 руб.³. Вкуп, если он не был внесен единовременно, платился в течение четырех лет (вычеты производились «в четыре срока при дуванях»): по 200 руб. в первые три срока и оставшуюся сумму — в последнем (Правила..., 1870, с. 13). Вся внесенная новиками вкупная сумма (новизные деньги) подлежала разделению

ни каменной пылью, ни сапожным варом: ярославцы народ промышленный, который вам и пороса обратит в караса, и на воде не утонет, и в огне не сгорит, на обухе рожь смолотит, шилом патоку заварит» (Толбин, 2002, с. 2).

¹ Например, артельщик И. К. Бортов 30 октября 1909 г. хлопотал за своего земляка: «Имею честь покорнейше просить С.-Петербургскую Полуярославскую артель принять от меня в члены нашей артели хорошего моего знакомого Владимира Григорьевича Беловонова 29 лет Ярославской губернии Даниловского уезда крестьянина со взносом (1085) руб. Одну тысячу восемьдесят пять рублей» (ЦГИА, ф. 1538, оп. 1, д. 2, л. 105).

² Вступающего в артель на условиях рассрочки вкупной суммы до полного погашения долга принято было называть *новиком*. Если при вступлении вкуп вносился полностью, новый член артели становился полным артельщиком или *стариком*. Также называли тех, кто полностью рассчитался по вкupu при его рассрочке.

³ Указанный размер вкупа устанавливался для новиков, достигших 19-летнего возраста. В артель могли приниматься и малолетки. Немиров отмечает, что биржевые артели при приеме малолетних членов имели в виду не юридическую, а физическую зрелость, т. е. способность работать наравне со взрослыми (Немиров, 1876, с. 49). При поступлении новика-малолетки в Полуярославскую артель к вкупной сумме добавлялось 90 руб. в год до достижения им 18-летнего возраста (Правила..., 1870, с. 13). Эти суммы назывались береговыми деньгами (мальчика надлежало беречь и не посылать на трудные работы). С годами размер вкупа увеличивался. Уставом от 1888 г. сумма вкупа определялась в 1500 руб. (Устав..., 1889, с. 6).

между артельщиками (Там же, с. 14). Помимо вкупа требовалось сполна сделать взнос в запасной капитал в сумме, равной доле каждого из старших артельщиков¹. Маляру или лепщику² скопить деньги на вкуп, запасной капитал, каталажи другие платежи в пользу артели стоило, очевидно, немалых трудов.

Первоначально Полуярославская артель, как и другие биржевые артели, имела достаточно узкий и определенный род занятий. Согласно Правилам от 1869 г. она выполняла работы «при С.-Петербургской бирже, таможе, буянах и проч. по поручению торгующих при здешнем порте, купечества по приему, хранению и доставке по принадлежности приходящих из-за границы товаров, равно как и отправленных из С.-Петербурга» (Правила..., 1870, с. 1). К концу XIX в. под влиянием акционерного учредительства и создания финансовых институтов круг этих занятий постепенно расширяется. Артельщики помимо прочего становятся служащими торговых и кредитных учреждений: торговых домов, банков, обществ взаимного кредита и др. Эволюция биржевых артелей приводит к тому, что «грузчик голландского корабля превращается в кассира, бухгалтера, сборщика (денег в казенных винных лавках — *И.Л.*), заведующего складами» (За полтора лет..., 1908, с. 8). В устав артели от 1889 г. вносятся соответствующие изменения: в дополнение товарным работам (уход за доверяемыми артели товарами, хранение их, выгрузка, погрузка, укладка, упаковка и т. п.), артель берет на себя конторские (получение, передача и хранения денежных сумм, документов, писем и проч.) (Устав..., 1890, с. 4).

Разнообразие видов деятельности артели позволяло ей привлекать большее количество заказчиков. В книге работодателей на начало 1904 г. числилось 106 предприятий и лиц, а к концу года артель имела 124 заказчика. Количество артельщиков на службе у одного работодателя колебалось от одного-двух до 50-ти³.

Сведений о том, какого рода поручения артели выполнял А. Н. Блатов в первые после вступления годы не сохранилось, но относительно его последующих занятий сомнений нет. В биографических сведениях, составленных для поступления в Санкт-Петербургский учительский институт в 1891 г. Николай Александрович пишет: «Отец мой артельщик Полуярославской биржевой артели, служит в Российском Торговом и Комиссионном Банке» (ЦГИА СПб., ф. 412, оп. 1, д. 675, л. 3). В списке членов артели на 1 января 1905 г. местом его службы указан Варшавский банк (ЦГИА СПб., ф. 1538, оп. 1, д. 109, л. 19–24).

Традиционно артельные правила определяли круг обязанностей артельщиков, состоящих при товарах. Так, выгрузные артельщики в портудолжны были «наблюдать за выгрузкой товаров, сдачей их в пакагузы и другие складские места под

¹ По обычаю, в дополнение к вкупной сумме и взносу в капитал артели при вступлении вносили также небольшие деньги на угощение артели, на масло к артельному образу и на обзаведение артели, так называемый артельный каталаж (Немиров, 1876, с. 51–52). Правилами Полуярославской артели из указанных платежей предусматривался только взнос на обзаведение артели в сумме 30 руб. (Правила..., 1870, с. 13).

² Те, кому удалось накопить деньги для вступления в артель, внушали уважение. Один из чеховских героев, отдавая свою дочь за артельщика и отказывая цирюльнику, оправдывается перед последним: «Шейкин в артельщиках. У него в залоге лежит полторы тысячи. Так-то, брат...» (Чехов, 1969, с. 13).

³ Наиболее крупными работодателями были: Русский торгово-промышленный банк, Общество Московско-Виндаво-Рыбинских железных дорог, Общество для заклада движимого имущества, Саратовское акцизное управление, Городские водопроводы (Петербург), Восточное общество товарных складов, Городское общество подъездных путей, Русский для внешней торговли банк, Общество Вогау и К^о. Артельщики состояли на службе в страховом обществе «Якорь» (Петербург), Чугунно- и трубо-литойном заводе (Петербург), на Таганрогском металлургическом заводе, в Обществе электрических сооружений (Петербург), в Минском коммерческом банке, в Управлении делами Великих князей и многих других компаниях (ЦГИА СПб., ф. 1538, оп. 1, д. 87).

караул других артельщиков» (Правила..., 1870, с. 20). Артельщикам при железных дорогах следовало контролировать отправку, хранение и прием товаров и представлять отчеты о них, выдавать от имени артели квитанции и счета и получать по ним деньги, а также «вести приходно-расходные и всякие другие книги и счетоводство» (Там же, с. 21). Ни в Правилах, ни впоследствии в Уставе — возможно в силу новизны и специального характера — не определялись обязанности конторских артельщиков. Мы можем судить о них лишь на основании литературных описаний. Одно из них было предпринято И. В. Уваровым, автором руководства для членов биржевых артелей, изданного в 1910 г. Отдельный раздел руководства посвящался службе членов биржевых артелей в конторах коммерческих банков, банкирских домов, обществ взаимного кредита и затрагивая порядок производства операций в указанных заведениях. Если довериться свидетельству Уварова, на членов биржевых артелей возлагались обязанности:

– приема, хранения и выдачи денег, ценных бумаг, драгоценных металлов и иностранных денежных знаков; приема, хранения и выдачи срочных векселей, дубликатов и багажных квитанций железной дороги, коносаментов, вариантов, ассигновок государственного казначейства и казначейских частей общественных учреждений и др. документов;

– получения с почты и сдачи на почту денежной, ценной и заказной корреспонденции;

– приема, хранения и выдачи товаров;

– покупки по поручению предприятий за их счет или за счет третьих лиц разного рода товаров; выдачи ссуд под товары или документы на таковые;

– принятия и сдачи денежных сумм и ценностей вне места службы членов биржевой артели и сопровождения их к месту назначения (Уваров, 1910, с. 21).

При всем многообразии занятия членов имели одно общее свойство: они так или иначе были связаны с обеспечением сохранности материальных ценностей, и, в особенности, денежных средств и ценных бумаг. Привлечение артельщиков к работам, которые требовали ответственности за вверенное имущество имело объяснение: работодателей привлекало то, что исполнение артелью принятых обязательств обеспечивалась круговой порукой.

В русском языке слово порука означает поручительство, ручательство, обязательство отвечать за кого-либо или что-либо (Даль, 1956, с. 324). Принцип круговой поруки или, как писал Г. Ф. Шершеневич, кругового ручательства, являлся характерным признаком трудовой артели. Члены артели должны были отвечать за долги товарищества субсидиарно, или всем своим имуществом, или определенной его частью (Шершеневич, 2003, с. 285).

Правила биржевой Полуярославской артели дают представление о том, как обеспечивалась круговая порука, каким был ее финансовый механизм. Из текста правил следует, что артельщик обязан был отвечать перед артелью в случаях недосчета, просчета, провеса или промера, допущенных им, пусть без злого умысла, «но нерадению его, недосмотру или вследствие нахождения его в нетрезвом виде при деле» (Правила..., 1870, с. 23–24). В случае, если порчи и утраты по указанным причинам взыскивались с артели, она обращала их, прежде всего, на выводной и запасной капитал (в доле, принадлежащей виновному артельщику). При их недостаточности взыскание обращалось на имущество артельщика. По особо уважительным причинам по своему усмотрению артель могла принять известную часть убытка и на себя. Более строгими были правила на случай, когда артельщик учинял кражу или утрату хозяйского, или артельного имущества. Если сумма недостачи не превышала его дувана (дохода), выводного и запасного капиталов,

артель могла исключить виновного или взыскать с него штраф. Когда украденное или растраченное превышало допустимые пределы, дело могло обернуться судом.

Случаи утраты артельщиками ценностей работодателя подлежали рассмотрению на общих артельных собраниях¹. Протоколы собраний, часто написанные со слов участников, создают живописную картину нравов, царивших в биржевых артелях: пьянства артельщиков², продажи подотчетного имущества³, махинаций с наличными деньгами⁴, проигрыша хозяйских денег⁵ и др. Некоторые истории могут составить основу не только статьи для научного журнала, но и сюжетов более увлекательных произведений, в том числе детективного жанра⁶. Круговая порука, которая обеспечивала безусловное исполнение обязательств артели перед

¹ Общие собрания играли большую роль в жизни артели. Они могли быть обыкновенными и экстренными (чрезвычайными). По Правилам обыкновенные собрания созывались трижды в год, а чрезвычайные фактически имели место три-четыре раза в месяц. Поскольку эти собрания назначались в конце рабочего дня и продолжались от полутора до двух часов, артельная служба становилась достаточно обременительной. Предметом артельных собраний являлись: выбор старосты, писаря и артельщиков для служения; вкуп новиков; рассмотрение и проверка книг заработков; годовой расчет (дуван), проверка прихода и расхода, а также «разбор и постановление приговоров» во всем делем артели (утрата и продажа товаров или денег, жалобы на проступки артельщиков и др.) (Правила..., 1870, с. 3).

² Общее собрание артели от 18 декабря 1894 г. осудило писаря П. Я. Новожилова за нетрезвое поведение и пятидневный прогул. За первый день невыхода на работу на него был наложен штраф в сумме 7 руб., за последующие дни — 2 руб. Кроме того, он был «отписан» от работы на две недели (ЦГИА СПб., ф. 1538, оп. 1, д. 60, л. 21 об.). Артельщик И. Г. Страхов, будучи на службе в Варшавском банке, напился пьяным и потерял векселей на сумму 8000 руб. Векселя были найдены, но один из них предъявили к протесту «по неведению Страховым». Артельщик решением собрания также был отписан от работы (Там же, л. 27 об.).

³ На общем собрании 9 августа 1894 г. читалось донесение на артельщика Николаевского склада Харьково-Николаевской железной дороги А. А. Волкова о продаже им угля с дорожного склада. Постановили немедленно устранить его от службы (Там же, л. 4).

⁴ Случай имел место 28 февраля 1895 г. в Варшавском банке при сортировке денег двумя артельщиками: И. К. Кузьминым и И. Я. Воробьевым. Более опытный Кузьмин воспользовался доверчивостью своего партнера. Он попросил Воробьева обандеролить и подписать сосчитанные им, Кузьминым, деньги и подписать его же подпись. При вскрытии в одной пачке кредиток сторублевого достоинства оказалось не 10 000 руб. а на тысячу меньше. Кузьмин публично заявил, что ввязка и подпись не его, и бедный Воробьев едва не оказался виновным. К счастью для него репутация Кузьмина оказалась не безупречной. В бытность кассиром в Обществе движимого имущества он был уличен в хищении процентных бумаг во время аукциона. Решено было взыскать с Кузьмина 700 руб. и с Воробьева — 300 руб. (Там же, л. 37 об.).

⁵ 14 ноября 1896 г. обсуждался случай с артельщиком Д. А. Красильниковым, который находился при ценных бумагах в Санкт-Петербургском отделении Варшавского банка. Он растратил принятые им процентные бумаги и купоны на крупную сумму — 17421 руб. 12 коп. Выяснилось, что вся сумма была им проиграна на покупке процентных бумаг. Решено было Красильникова отдать под суд с получением от него расписки об уплате денег артели. Недостачу пришлось возместить банку за счет запасного капитала артели (Там же, л. 126об.).

⁶ Поистине детективная история случилась с артельщиком П. И. Лапшиным. На Харьков-Николаевской железной дороге, где он служил при складе, проверкой за 1893 г. была выявлена растрата на сумму 10046 руб. 20 коп. Эту растрату обратили на Лапшина, но сам ее факт не был доказан. Как выяснилось, в книге сдачи оправдательных документов, которую вел Лапшин, были вырваны листы. Оказалось также, что помощник главного бухгалтера управления дороги Мазуркевич, принимавший под расписку документы от Лапшина, побросал книги управления дороги в реку. По этому поводу между биржевой Полуярославской артелью и управлением Харьков-Николаевской железной дороги завязалась тяжба. Попытки решить дело мирным путем не удались. Более того, начальник дороги при личной встрече угрожал старосте артели на случай, если последний осмелится передать дело в суд. В итоге к делу со стороны артели, а затем (по разрешению артели) и Лапшина были привлечены присяжные поверенные. Потребовалась дополнительная экспертиза документов управления дороги с участием опытного петербургского бухгалтера для того, чтобы установить недостаточность оснований для обвинения Лапшина. Дело продолжалось два года и многократно обсуждалось на артельных собраниях. Несмотря на то, что артели в этом деле удалось отстаивать свои интересы, артельщик Лапшин в июле 1897 г. был отписан от работы (ЦГИА СПб., ф. 1538, оп. 1, д. 60).

теми, кто пользовался ее услугами, в самом артельном товариществе порождала неопределенность ответственности, создавала условия для обманов и оговоров.

В 1897 г. на чрезвычайном собрании артели слушалось дело о потере чека на крупную сумму—395 000 руб. — двумя артельщиками, одним из которых был М. А. Прокофьев, а другим — А. Н. Блатов (ЦГИА СПб., ф. 1538, оп. 1, д. 60, л. 186 об.). В протоколе случай описан со слов Прокофьева, который уверял, что получил чек в Санкт-Петербургской конторе Московского купеческого банка и передал его Блатову, находившемуся в Государственном банке. При неизвестных обстоятельствах чек был утерян, но к счастью его нашли артельщики Баронской артели, служащие в Торгово-промышленном банке, и передали экзекутору Государственного банка. Полуярославская артель не понесла убытков, но решением собрания дело, тем ни менее, оставили открытым. Это было обычной практикой: о происшествии вспоминали, когда артельщик повторно совершал оплошность или проступок.

При всей сложности и рисках артельная служба позволяла иметь относительно неплохой доход. Судя по записям в книге личных счетов членов артели за 1900 г.¹ А. Н. Блатову причитался заработок за этот год в сумме 547 руб. 86 коп. (ЦГИА СПб., ф. 1538, оп. 1, д. 70, л. 12). Помимо этого, он, как и другие старые артельщики, приобрел «право пользоваться всеми преимуществами артели» (Правила..., 1870, с. 12–13). Оно выражалось, в том числе, в праве на долю новизных денег. По итогам 1900 г. А. Н. Блатов получил 207 руб. 98 коп. новизными. Эта сумма могла быть и большей. Например, в 1904 г. на каждого артельщика, которому по уставу причитались указанные выплаты, приходилось 376 руб. 88 коп. (ЦГИА СПб., ф. 1538, оп. 1, д. 55, л. 59 об.). Вместе с тем, на уменьшение доходов артельщиков, связанных круговой порукой, относились понесенные артелью убытки. Так, по расчетам за 1900 г. на А. Н. Блатова были списаны убытки на общую сумму 70 руб. 64 коп., включая убыток по Промышленному банку и суммы, взысканные в погашение убытков, допущенных четырьмя артельщиками. Кроме этого, с каждого артельщика в конце года причиталась доля общих артельных расходов (в 1900 г. — 8 руб. 16 коп.).

Сведений об А. Н. Блатове в архивных делах биржевой Полуярославской артели в целом не так много. Помимо досадного случая с чеком — он дает косвенное представление о его обязанностях — мы мало что можем почерпнуть из сохранившихся документов. К приведенным фактам можно добавить лишь еще один. В 1896 г. Полуярославская биржевая артель предпринимает один из шагов, направленных на обеспечение социальной защиты ее членов: общее собрание решает создать кассу взаимопомощи на случай смерти артельщика. Для выработки правил кассы была назначена комиссия из 25 опытных членов артели. Среди других в нее вошел А. Н. Блатов (ЦГИА СПб., ф. 1538, оп. 1, д. 60, л. 122 об.)².

К началу XX в. А. Н. Блатов — один из старейших членов биржевой Полуяролславской артели. На 1 января 1905 г. из 486 членов артели лишь пятеро вступили в артель раньше, чем он (ЦГИА СПб., ф. 1538, оп. 1, д. 109, л. 19–24). Сорок лет его службы в артели — Александр Николаевич скончался в 1906 г. — пришлось на годы расцвета российских биржевых артелей. Не пройдет и десяти лет, как

¹ К тому времени учет в биржевой Полуярославской артели вели методом двойной записи. Техника ведения учета в биржевых артелях описана, например, у К. А. Родных (Родных, 1901, с. 49).

² Выплаты единовременного денежного пособия наследникам умерших было решено производить из капитала кассы, пополняемого из трех основных источников: первоначального взноса члена артели в сумме 10 руб., ежегодного пятирублевого взноса и процентов с капитала. На похороны умершего наследникам полагалось 300 рублей серебром (Правила..., 1896).

артели начнут трансформироваться, утрачивая первоначальные основы и принципы своего существования. Общие собрания артели начнут определять расценку артельных мест и их продажную стоимость, а главной статьёй дохода станет не заработок артели и не диван артельного места, а прогрессивно растущая цена артельного пая. В 1912 г. В. С. Полянский с возмущением напишет о нарушении законодательства современной практикой (Полянский, 1912, с. 3–4)¹. Спекулятивная артель вытеснит старую трудовую и прежних артельщиков, на смену которым придут «доверенные» новой артели.

В то время, когда А. Н. Блатов состоял членом биржевой Полуярославской артели, традиционным было семейное участие в артельном деле. В одном артельном товариществе могли служить братья, а вслед за отцами в артель приходили сыновья. В артельных книгах Полуярославской артели годами повторялись фамилии Тюшиных (Иван Малый и Иван Большой), Страховых, Лузиных, Мачихиных (Мачигиных), Калининых, Быковых, Новожиловых. Более ста лет артельщиками неизменно были Бурмистровы (За полтора ста лет..., 1908, с. 12). Зная артельную службу и имея многолетний опыт, А. Н. Блатов, тем ни менее, не последовал обычаю. Своему сыну он прочил иную судьбу.

Ученик и учитель

Николай Александрович Блатов родился 17 апреля 1875 г. в Санкт-Петербурге. О его отце мы знаем лишь то немногое, что нашло отражение в сохранившихся документах биржевой Полуярославской артели. О матери, Александре Максимовне Блатовой, известно совсем мало. В автобиографии от 1937 г. Николай Александрович пишет, что она была полуграмотной мещанкой и умерла в 1910 г. В первых биографических сведениях Н. А. Блатова, составленных в 1891 г., указано, что семья жила на 5-й улице Песков, в д. 41, кв. 21 (ЦГИА СПб., ф. 412, оп. 1, д. 675, л. 3).

Первоначальное воспитание Николай Блатов получил дома. Восьмилетнем возрасте он был определен в частное приготовительное училище В. Ф. Геймбрук, где пробыл два года. Скупые записи в дошедших до нас документах учебных заведений позволяют восстановить дальнейшие события, которые пришлось на юношеские годы Н. А. Блатова. Осенью 1885 г. он поступил в первый класс Рождественского 4-х классного высшего городского училища, которое успешно закончил в 1889 г. В аттестате об окончании училища в основном высокие оценки: «отличные» — по закону Божию, арифметике, практической геометрии, истории, естественной истории и физике и «хорошие» — русскому языку, географии, черчению и рисованию (ЦГИА СПб., ф. 125, оп. 1, д. 5, л. 3).

Выпускник училища получал право на производство в первый классный чин и поступление на гражданскую службу без дополнительных испытаний. Вместе с тем аттестат этого учебного заведения открывал возможность для продолжения

¹ Правительствующий Сенат по Судебному департаменту определением от 18 марта 1893 г. № 480 по делу Дмитриева с Шестаковской Биржевой артелью заключил, что «владельцем артельного места, т. е. полноправным артельщиком может быть признано лишь такое лицо, которое участвует в артельном договоре, известно артели (а не некоторым его артельщикам), как член ея, состоит таковым с согласия артели и принимает участие в работах артели за исключением лишь некоторых особых случаев, лично, а не через посредство наемного работника, владение артельным местом в виду присущего артельному договору личного элемента, не может быть приравнено к владению паем в товариществе, связанному исключительно имуществом и притом с имуществом совершенно обособленным от имущества, данного товарищам, — владелец же артельного места, артельщик по необходимости, по самому существу артельного договора, всегда должен быть известен артели как ее член» (цит. по: Полянский, 1912, с. 3–4).

образования, но воспользоваться ею было не так легко. Еще два года Николай Блатов пробыл в училище для подготовки к поступлению в Санкт-Петербургский учительский институт. И лишь в 1891 г. он подал прошение о принятии в число казеннокоштных воспитанников этого института. Вступительные экзамены были успешно сданы, но зачисления в том году не последовало: казеннокоштного места для Николая Блатова не нашлось. На годичном акте было объявлено, что он будет принят в следующем, 1892 г. без повторных вступительных экзаменов (ЦГИА СПб., ф. 412, оп. 1, д. 675, л. 2).

К прошению директору учительского института от 3 июля 1892 г. прилагались две фотографические карточки, но в архивных фондах они не сохранились. Некоторое представление об облике юного Николая Блатова мы можем составить по биометрическим параметрам, отмеченным доктором на полях прошения. В шестнадцатилетнем возрасте он был субтильным юношей ростом 2 аршина 4 вершка (160 см)¹ со слабо развитой грудью (окружность груди составляла 1 аршин 1,5 вершка или 78 см) и еще нормальным зрением² (ЦГИА СПб., ф. 412, оп. 1, д. 675, л. 2).

Николай Блатов закончил Санкт-Петербургский учительский институт в 1895 г. По большинству основных предметов в институтском аттестате значатся еще более высокие оценки, нежели в свидетельстве об окончании городского училища. Отличных оценок он был удостоен по закону Божию, математике, истории, географии, естествознанию, физике, немецкому языку; хороших — по педагогике и дидактике, а также русскому и церковно-славянскому языкам (ЦГИА СПб., ф. 412, оп. 1, д. 675, л. 4). По окончании учительского института Николай Блатов был удостоен звания учителя городского училища с наложением обязательства прослужить в этой должности по назначению учебного начальства не менее шести лет.

Первое назначение состоялось в том же году. Николай Александрович был определен сверхштатным учителем Гатчинского городского училища. Через год он получает допуск к преподаванию ручного труда, а еще годом позднее проходит курсы ручного труда в учительском институте (РГИА, ф. 25, оп. 1, д. 434, л. 17). В Гатчинском училище Николай Александрович прослужил три учебных года. Здесь он приобрел первую общественную должность — неперменного члена Правления Общества вспомоществования нуждающимся учащимся Гатчинского городского пятиклассного училища (РГИА, ф. 25, оп. 1, д. 434, л. 17–17 об.).

В июне 1898 г. Николая Александровича переводят в Выборгское городское училище, но к занятиям там он, скорее всего, не приступает. В августе того же года он получает должность преподавателя ручного труда Александровского учительского института в Тифлисе и покидает Петербург (РГИА, ф. 25, оп. 1, д. 434, л. 17 об.)³.

Тифлисский период в жизни Н. А. Блатова наполнен событиями, определившими не только его профессиональную карьеру, но и личную жизнь. Начнем с того, что 1 июля 1901 г. Николай Александрович был переведен на должность преподавателя русского языка приготовительного класса Тифлисского коммерческого училища

¹ По меркам того времени Николай Блатов был среднего роста. Ростовый ценз для новобранцев рождения 1871–1875 гг. составлял 153,4 см, а средний рост новобранцев из рабочих — 166,5 см (Мионов, 2012, с. 231).

² На фотографиях в зрелом возрасте Н. А. Блатов в очках.

³ Служба в Тифлисе имела некоторую привлекательность. Согласно Положению об особых преимуществах гражданской службы в отдаленных местностях Империи, по истечении пяти лет службы на Кавказе полагалась надбавка в размере 20% к окладу жалованья. Причем эта надбавка исчислялась со времени начала службы (РГИА, ф. 25, оп. 1, д. 434, л. 23, 30–30 об., 31, 33).

(РГИА, ф. 25, оп. 1, д. 434, л. 18 об.). С тех пор в его жизни удивительным образом будут сочетаться увлечения литературным творчеством и коммерческими науками. И, наконец, 19 августа 1901 г. он женится на дочери Санкт-Петербургского мещанина Ольге Дмитриевне Кожуховой. За годы, проведенные в Тифлисе, у них рождаются две дочери: Ольга (20 июня 1902 г.) и Мария (13 февраля 1904 г.) (РГИА, ф. 25, оп. 1, д. 434, л. 65).

Надо отметить, что первое десятилетие XX в. было знаковым для развития коммерческого образования в России. Незадолго до его начала — в 1896 г. — было Высочайше утверждено Положение о коммерческих учебных заведениях. С этого момента начинается стремительный рост коммерческих школ. К 1902 г. в Российской Империи было открыто 147 коммерческих учебных заведений с числом учащихся, превышающим 20600 человек. В их числе — 51 коммерческое училище, 43 торговых школы, 30 торговых классов и 23 курса коммерческих знаний (Министерство финансов, 1902, с. 605). Подготовка учителей для нового типа учебных заведений — особенно преподавателей специальных дисциплин — становится серьезной проблемой. За решение этой проблемы без промедления берется Департамент торговли и мануфактур Министерства финансов, которому в то время подчинялись коммерческие учебные заведения.

В марте 1899 г. Департамент утверждает программу производства испытаний на право преподавания бухгалтерии в коммерческих учебных заведениях и в мае того же года создает экзаменационную комиссию. В первом заседании комиссии — оно состоялось в июне — принимали участие: главный инспектор по учебной части С. С. Григорьев (председатель комиссии), контр-адмирал А. Н. Страннолюбский, С. С. Ивановский, А. М. Вольф и Е. Е. Сиверс (РГИА, ф. 25, оп. 5, д. 103, л. 2). Комиссия окончательно определила правила и порядок проведения испытаний. Прежде всего она установила требования к педагогической опытности претендентов. Тем, кто не имел педагогической практики, предлагалось трехмесячное посещение училища для «ознакомления с ходом преподавания» (РГИА, ф. 25, оп. 5, д. 103, л. 2 об.). По окончании указанного срока требовалось представить отчет, позволяющий судить о том, «насколько составитель умеет ориентироваться в вопросах по преподаванию бухгалтерии и пользоваться соответствующими материалами». Испытуемый также должен был показать свое педагогическое мастерство: провести три пробных урока, из них два — по заданной теме и один — по собственному выбору (РГИА, ф. 25, оп. 5, д. 103, л. 2—2 об., 3).

Очевидно, к этим требованиям добавлялся еще разбор учебных руководств. Во всяком случае в деле об экзаменационных работах лиц, допущенных к испытанию на право преподавания коммерческих наук, хранятся выполненные в разные годы письменные разборы популярных в то время учебников: «Общего счетоводства» Е. Е. Сиверса, «Курса двойной бухгалтерии» А. В. Прокофьева, «Сборника задач по счетоводству» А. Ф. Игнатьюка, «Курса фабрично-заводского счетоводства» А. И. Гуляева¹, «Начал бухгалтерии» М. А. Прушинского, «Краткого учебника коммерческой бухгалтерии» Н. С. Лунского, пособий Г. А. Бахчисарайцева и необыкновенно популярного у испытуемых «Самоучителя двойной бухгалтерии» Ф. Скубица (РГИА, ф. 25, оп. 5, д. 102).

Собственно испытание включало устную и письменную части. Устный экзамен комиссия решила проводить по билетам, включающим вопросы из различных

¹ «Курс фабрично-заводского счетоводства. Руководство при прохождении курса фабричной бухгалтерии, а также пособие для фабричных бухгалтеров и конторщиков» А. И. Гуляева увидел свет в 1905 г. Между тем, сам Алексей Иванович в 1903 г. предпринял попытку — и неудачно — сдать экзамен на право преподавания бухгалтерии.

отделов программы. Для письменного экзамена каждому претенденту назначалась тема, которую следовало выполнить под наблюдением комиссии в продолжение четырех часов. Составление билетов и выработку тем для письменных работ взяли на себя А. М. Вольф и Е. Е. Сиверс (РГИА, ф. 25, оп. 5, д. 103, л. 2–2 об., 3).

Несмотря на то, что комиссия задала высокий уровень требований к знаниям предмета и процедуре экзамена, нашлось достаточно желающих стать преподавателями бухгалтерии. В первый, 1899 г., испытания прошли 7 человек, из них 4 успешно. В следующем 1900 году число испытуемых составило 26 человек, но свидетельство о праве преподавания получили лишь 17 (РГИА, ф. 25, оп. 5, д. 102, л. 7). Среди претендентов были выпускники разных образовательных учреждений, в том числе далеких от области коммерции. Некоторые претенденты обладали опытом преподавательской или практической бухгалтерской работы, другие его не имели.

В протоколах заседания экзаменационной комиссии немало знакомых фамилий. Экзамен на право преподавания бухгалтерии положил начало занятиям учетной наукой известных в последующем авторов книг и бухгалтерских журналов. В декабре 1900 г. экзамен сдавал преподаватель Саратовского городского училища Н. С. Аринушкин. В скупых на комментарии протоколах отмечены его хорошая письменная работа и прекрасные устные ответы (РГИА, ф. 25, оп. 5, д. 103, л. 45 об.). В одно время (май 1901 г.) проходили испытания А. Песоцкий, выпускник Санкт-Петербургской духовной семинарии, служивший преподавателем Ремесленного училища Цесаревича Николая и А. Гуляев, выпускник Московской практической академии — бухгалтер Товарищества инженер-механиков «Зворыкин, Толоконников, Угрюмов». Результат этого экзамена добавляет красок к описанию взаимоотношений между петербургской и московской научными школами бухгалтерии. Песоцкий экзамен сдал, а ответы москвича Гуляева, имеющего специальную подготовку и практический опыт, на устном испытании петербургская комиссия отклонила (РГИА, ф. 25, оп. 5, д. 103, 57, л. 81–81 об.).

Декабрьский (1901 г.) экзамен заслуживает отдельного упоминания. В тот день среди экзаменующихся был выпускник Одесского коммерческого училища имени Императора Николая I и преподаватель Первого еврейского начального училища в Одессе Р. Я. Вейцман, родоначальник известной династии ученых-бухгалтеров (РГИА, ф. 25, оп. 5, д. 103, л. 72–72 об., 73, 79).

В сентябре 1903 г. из Тифлиса в Петербург для прохождения испытаний на право преподавания бухгалтерии прибыл учитель общеобразовательных предметов приготовительного класса Тифлисского коммерческого училища Николай Александрович Блатов¹. В эту сессию комиссию возглавлял действительный статский советник Д. Д. Морев, а ее членами на письменных экзаменах были В. И. Адамович, В. Э. Вальденберг, П. М. Гончаров, Е. Е. Сиверс и Я. Я. Тикстон. На устных экзаменах к ним присоединился В. И. Касперов. Помимо упомянутых, на письменном экзамене присутствовали член Совета министра финансов и. о. управляющего отделом, тайный советник И. А. Анопов и окружной инспектор по учебной части Министерства финансов, действительный статский советник А. Г. Малинин. Устный экзамен, кроме того, посетил статский советник И. Д. Гопфенгаузен (РГИА, ф. 25, оп. 5, д. 103, л. 139, 140 об.).

¹ Для поездки в Петербург учебным отделом Министерства финансов ему был предоставлен отпуск с 12-го сентября по 2-е октября 1903 г. и выдано пособие для возмещения понесенных расходов, в размере ста пятидесяти руб. (РГИА, ф. 25, оп. 1, д. 434, л. 17, 20).

Не исключено, что именно в эти дни состоялась первая встреча Николая Александровича с Евстафием Евстафиевичем Сиверсом, с которым его свяжут годы сотрудничества и учеником которого он останется на всю жизнь¹.

Процедура экзамена должна была свидетельствовать о высоком статусе этого мероприятия. Испытания проходили в помещении Петровского училища Санкт-Петербургского купеческого общества. В половине восьмого вечера 20 сентября 1903 г. начался письменный экзамен. Председатель комиссии предложил одному из экзаменуемых выбрать тему по бухгалтерии из семи, лежащих на столе в запечатанных конвертах. На эту, одну для всех, тему и были далее выполнены экзаменационные работы (выбранной оказалась тема № 6, составленная Я. Я. Тикстоном). В дополнение к теме предлагались задачи по коммерческой корреспонденции и бухгалтерии². Экзамен продолжался до 12 часов ночи (РГИА, ф. 25, оп. 5, д. 103, л. 140 об.). На устном экзамене — 21 сентября с 12.30 — надо было дать ответы по билетам из теории бухгалтерии вообще, бухгалтерии в применении к отдельным операциям икомерческой арифметики. Те, кому удалось пройти письменные и устные испытания по бухгалтерии допускались к экзаменам «по вспомогательным к бухгалтерии предметам (политической экономии и законоведению)» (РГИА, ф. 25, оп. 5, д. 103, л. 141).

В сентябрьскую (1903 г.) сессию первый, письменный экзамен по бухгалтерии и коммерческой корреспонденции держали 11 претендентов на получение права преподавания бухгалтерии, но все этапы испытаний прошли только четверо и среди них — Н. А. Блатов. Комиссия благожелательно отнеслась не только к его экзаменационным ответам, но и к педагогическому опыту. Николай Александрович был освобожден от трехмесячной педагогической практики и отчета о ней, от пробных уроков и представлении отчета об учебных руководствах, «в виду того, что педагогическая деятельность Блатова известна учебному отделу Министерства финансов с самой лучшей стороны» (РГИА, ф. 25, оп. 5, д. 103, л. 141 об.). Спустя два месяца ему было выписано свидетельство, дающее право преподавать бухгалтерию и коммерческую корреспонденцию в коммерческих учебных заведениях всех разрядов ведомства Министерства финансов (№ 5998 от 17 ноября 1903 г.) — (РГИА, ф. 25, оп. 1, д. 434, л. 65).

Наличие свидетельства давало полное право претендовать на должность штатного преподавателя и классного наблюдателя коммерческого училища³ и соответствующую надбавку к жалованью. Надо отметить, что по меркам того времени доходы преподавателей коммерческих учебных заведений составляли довольно приличную сумму. К 1903 г. Н. А. Блатову полагалось годовое содержание в 2295 руб. В эту сумму входило собственно жалованье — 600 руб., надбавка за исполнение

¹ О Н. А. Блатове, как продолжателе учения Е. Е. Сиверса см.: (Соколов, 1996, с. 459–462).

² В деле об экзаменационных работах лиц, допущенных к испытанию на право преподавания коммерческих наук, сохранились задачи, предлагаемые для испытания. Приведем, в качестве примера одну из них. «А поручил подрядчику Б перевезти 6000 п. товара стоимостью 12 000 из одного города в другой по условной цене 20 коп. с п. Груз в 6000 п. был сдан Б. по трем накладным по 2000 п. каждый. В обеспечение правильной доставки Б внес А 500 руб. Груз был доставлен по первой накладной 1950 п., по 2-й 2000 п. и по 3-ей 1990 п. По доставке второго транспорта Б получил в счет работы 300р. Требуется составить журнальные статьи по означенным оборотам и составить личный счет Б, заключив его счетом баланса» (РГИА, ф. 25, оп. 5, д. 102, л. 374).

³ На основании ст. 57 Высочайше утвержденного 10 мая 1900 г. мнения Государственного Совета об изменении Положения о коммерческих учебных заведениях штатными преподавателями могли назначаться лица, имеющие право преподавать в коммерческих училищах (РГИА, ф. 25, оп. 1, д. 434, л. 11, л. 20).

обязанностей наблюдателя — 720 руб. и доплата за добавочные уроки в сумме 975 руб. (РГИА, ф. 25, оп. 1, д. 434, л. 65).

Продвижение Николая Александровича по службе сопровождалось присвоением ему классных чинов. В июле 1900 г., будучи еще преподавателем Александровского учительского института, он утверждается в чине коллежского секретаря. Не пройдет и года (март 1901 г.), как за выслугу лет он будет произведен в титулярные советники. В марте 1903 г. Николаю Александровичу присвоят еще один чин — коллежского асессора, а закончит службу в Тифлисе он в чине надворного советника (произведен в декабре 1906 г.). Там же, в Тифлисе, Н. А. Блатов получит свой первый орден — Святого Станислава 3-ей степени (РГИА, ф. 25, оп. 1, д. 434, л. 17 об., 18 об., 19 об., 66, 67).

Летом 1907 г. Н. А. Блатов возвратится в Петербург, где начиналась его преподавательская деятельность в Петровском училище Санкт-Петербургского купеческого общества, в котором четыремя годами ранее он держал экзамен на право преподавания бухгалтерии.

Николай Невский и другие

В «Критико-биографическом словаре русских писателей и ученых С. А. Венгерова» упоминается тифлисский журналист 1900-х гг. Блатов Николай Александрович, рождения 17 апреля 1875 г. (Венгеров, 2001). Дата кончины указана приблизительно — не ранее 1913 г. Автор словаря псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей И. Ф. Масанов приводит сведения о периодических изданиях, публиковавших материалы Н. А. Блатова и псевдонимах, которыми он подписывал свои работы. Как следует из словарных статей, Николай Александрович писал для Тифлиских газет «Возрождение», «Новое обозрение», «Кавказская речь» и «Тифлисский листок» (1905–1907 гг.) под псевдонимами: Н. А. Б¹; Наб.; Невский, Николай (Масанов, 1960, с. 209, 238, 254).

Указанные тифлиские газеты позиционировались как политические, общественные и литературные издания. По политической принадлежности они не были однородными. Так, например, газета «Новое обозрение» получила известность как умеренно-либеральный печатный орган, уделявший особенное внимание вопросам местной экономики и возможностям развития производительных сил края. В период революции 1905–1907 гг. газета поддерживала кадетов и, более того, в феврале 1906 г., во время подготовки к выборам в Думу, опубликовала их предвыборное воззвание (Новое обозрение). Газета «Возрождение» изначально имела буржуазно-либеральное направление. В 1905 г. ее использовали местные социал-демократы, а ряд выступлений в этой газете носил откровенно большевистский характер (Возрождение).

Основные рубрики тифлиских газет отражали широкий спектр событий как российской, так и местной жизни. Так, материалы «Нового обозрения» давались

¹ Публикаций под псевдонимом «Н. А. Б.» в указанных газетах к настоящему времени не найдено. Вместе с тем, в «Новом обозрении» и «Тифлисском листке» (отделы «Театр и искусство. Русская драма») за 1906 г. обнаружены отзывы о спектаклях, подписанные «Н.Б.». По тематике, стилистике и интонации они схожи с рецензиями Н. А. Блатова. В пользу принадлежности данных работ Блатову может быть истолковано еще одно обстоятельство. Псевдонимом «Н. Б.» свои работы подписывало около 70 авторов, фамилии которых установлены (ЭНИ «Словарь псевдонимов»). Среди них нет ни одного, кто бы писал в перечисленные газеты. Таким образом, есть основания считать, что псевдоним «Н.Б.» автора «Нового обозрения» и «Тифлисского листка» не раскрыт. Поскольку полной уверенности в том, что за «Н.Б.» скрывался Н. А. Блатов нет, автор данной статьи, при большом желании это сделать, воздерживается от комментирования данных публикаций.

в отделах: *русская жизнь, последняя почта, местное обозрение, судебная хроника* и др. В «Возрождении» они были представлены в постоянных рубриках: *хроника, телеграфические известия, кавказская жизнь, обзор печати, из жизни рабочих, внешние известия*. В дополнение к основным, газеты, как правило, имели рубрики, посвященные событиям культурной жизни Тифлиса.

В газеты, посвященные по большей части общественно-политическим событиям, особенно острым в 1905—1907 гг., Николай Александрович писал ... о театре.

Надо отметить, что несмотря на все сложности военного и революционного времени Тифлис оставался центром театрального искусства. С сентября 1904 по февраль 1905 г. в городе прошел сезон «Товарищества новой драмы», созданного В. Э. Мейерхольдом. Спектакли игрались на сцене «Артистического общества», в одном из лучших театральных зданий России¹. Театральной публике был представлен режиссерский театр, исповедующий новый подход к театральному действию: «сценического воплощения символической драматургии» (В. Э. Мейерхольд, 2006, с. 5). В отличие от традиционного «натуралистического» театра труппа Мейерхольда создавала «театр настроения», но — такова судьба новаций — тифлисская публика первоначально не была расположена «воспринимать обостренный психологизм его спектаклей» (В. Э. Мейерхольд, 2006, с. 8). Лишь по окончании сезона признание, но далеко не безусловное, все-таки состоялось. «Вы победили! — писали в адресе театру тифлиссские зрители. — Вы покорили нас дружным натиском стройного ансамбля, упорными атаками пьес нового репертуара: Ибсен, Гауптман, Зудерман, Чехов» (цит. по: В. Э. Мейерхольд, 2006, с. 481).

Блатов принадлежал к числу поклонников театра Мейерхольда. Когда в следующем сезоне на сцене «Артистического общества» его сменил другой антрепренер — А. Н. Кручинин — Николай Александрович, прежде всего, сравнил его постановки со спектаклями Мейерхольда. В отзыве на спектакль «Власть тьмы» по пьесе Л. Н. Толстого в постановке Кручинина, опубликованной в газете «Возрождение», он явно отдает предпочтение театру Мейерхольда. Поскольку этот отзыв упоминается и цитируется театроведами², позволим себе привести несколько пространный фрагмент из него. «Репертуар труппы г. Кручинина, — писал Блатов — за первые спектакли отличается большим разнообразием, достигающим до пестроты: драма старого мастера, модная пьеса «с настроением», стряпня немецкого драматурга, сентиментальная комедия отечественного производства и трагедии — но и они обещаны щедрым антрепренером. Очевидно, г. Кручинин, не знакомый со вкусами тифлиссской театральной публики, желает проделать над нею ряд экспериментов, чтобы выяснить себе — чего наконец, хочет эта капризная госпожа публика. Прошлогодний антрепренер г. Мейерхольд действовал иначе: он явился к нам с определенными взглядами на театральное дело, с разработанным репертуаром, со специально подобранной для этого репертуара труппой, объединенной общностью взглядов на задачи искусства. Он хотел воспитать театральную публику, поднять ее вкусы до того уровня, на котором стоял сам — и, право, не его вина, если эта задача оказалась ему не совсем посильной. Но, во всяком случае, его работа не прошла бесследно. Тифлисская

¹ По случаю открытия в 1901 г. здания Артистического общества, журнал «Театр искусство» в № 11 за этот год писал: «Большой театральный зал в стиле рококо с отделкой цвета старого золота производит чарующее впечатление. Огромный танцевальный концертный зал расположен по всему фасаду здания. <...> Сцена снабжена самыми новейшими техническими усовершенствованиями. Пол [сцены] не только вращающийся, но приспособлен таким образом, что возможно приподнять любую часть сцены на какую угодно высоту» (цит. по: В. Э. Мейерхольд, 2006, с. 368–369).

² См.: (В. Э. Мейерхольд, 2006, с. 397).

публика ценила старания г. Мейерхольда, и, если не всегда переполняла театр, то всегда восторженно приветствовала и его самого и его труппу. Что дает нам «экспериментальное» направление г. Кручинина, покажет будущее, а пока успех — и материальный, и сценический — новой труппы очень и очень посредственный» (Возрождение, 1905, № 9, с. 4).

На страницах газеты «Возрождение» с октября 1905 г. по февраль 1906 г.¹ опубликовано 11 театральных рецензий Н. А. Блатова, подписанных псевдонимом «Наб». Помимо цитированного, ему принадлежат отзывы на спектакли «Иванов» и «Вишневый сад» по пьесам А. П. Чехова, «На дне» А. М. Горького, «Рабочая слободка» Е. П. Карпова, «Счастливец» В. И. Немировича-Данченко, «Авдотьяна жизнь» и «Дети Ванюшина» С. А. Найденова, «Иван Мироныч» Е. Н. Чирикова и др.

Как автор театральных рецензий Блатов — истинный знаток и ценитель русской драмы, тонкий критик актерского мастерства. Вместе с тем, в его рецензиях эстетические суждения соседствуют с размышлениями о роли искусства в обществе. Но это сочетание эстетизма с социальными оценками ненавязчиво, негрубо, ненарочито. Для него неприемлемо противоречие между замыслом и исполнением, громкими заявлениями и последующими невыразительными или противоречивыми действиями.

В рецензии на два фарса «Пляска любви» и «Брачные мостки», поставленных Кручининим, Николай Александрович пишет: «Я не знаю, может быть, г-н Кручинин и прав, считая чисто-увеселительную роль театра в настоящий момент главной; может быть, действительно, наши нервы теперь так измучены и издерганы, что им физиологически необходим отдых — и театр, дающий возможность провести 3—4 часа в атмосфере элементарного, безобидного смеха, может быть, будет собирать многочисленную публику. Все это — может быть; но зачем же тогда громогласно заявлять, что теперь театр будет «говорить свободно о правах и обязанностях человека-гражданина?». А то получается нечто в высшей степени несуразное: с одной стороны — «волны свободной жизни», а с другой — «Пляска любви» и «Брачные мостки...» (Возрождение, 1905, № 17, с. 4).

Блатов обращает внимание на то, как театр может воздействовать на публику и насколько эти возможности порой недооцениваются: серьезный разговор со зрителем подменяется представлением живых картинок. Сравнивая постановку пьес «На дне» Горького и «Рабочей слободки» Карпова, он пишет: «В то время, как драма Горького, открывая перед изумленными зрителями целый неведомый им мир обывателей самых низов жизни, заставляет нас содрогаться своим безысходным трагизмом и ставить нашему робкому уму целый ряд задач и вопросов, назойливо требующих разрешения — пьеса Карпова не возбуждает ни одной струны серьезной мысли, не задевает ни одной струны даже в отзывчивом сердце. После нее из театра выходишь как из «синематографа», вынося исключительно зрительные впечатления: вот картинка «завода в полном ходу», вот — зимний пейзаж с падающим снегом, вот — г. Соколов душит г-жу Гондатти²... Все это очень ловко сделано, иногда до иллюзии похоже на правду; но все это — не правда, не жизнь, не творчество... (Возрождение, 1905, № 28, с. 4).

Рецензии Блатова служат иллюстрацией того, как формировались его убеждения, составившие впоследствии основу научного подхода в далекой, на первый взгляд, от искусства области деятельности. Николай Александрович, это видно

¹ Газета «Возрождение» издавалась в 1905–1906 гг. Первый номер увидел свет 1 октября 1905 г., последний — 25 февраля 1906 г.

² Актеры театра «Артистического общества».

и из предыдущей цитаты, был сторонником творческой правдивости, верности образа, которые достигаются мастерством антрепренера и актеров. Правдивость, в свою очередь, рождает доверие к идеям и мыслям, доносимым выразительными средствами театра. В этом смысле примечательна его оценка драмы Немировича-Данченко «Счастливец». Эта драма «после поражающих своей житейской правдивостью пьес Чехова, Чирикова, даже Найденова — писал Блатов — производит очень странное впечатление: ей не веришь» (Возрождение, 1905, № 23, с. 4).

В отзыве Николая Александровича о пьесе Н. М. Никольского «Меблированная пыль» очевидна оценка не только собственно спектакля, но и того, что предшествует театральному действию — творческих усилий автора разыгрываемого текста. В более широком смысле здесь имеет место попытка Блатова сформулировать свои представления о литературном труде. Автор — Никольский — назвал свою пьесу драматическим эскизом, что и послужило, вкуче с недостаточной проработкой текста этого произведения, основанием для критики. Блатов проводит различие между эскизом и завершенной работой. «От эскиза — пишет он — нельзя требовать ни серьезности сюжета, ни законченности обработки, ни глубоко продуманной идеи; эскиз, вместе с десятками подобных же работ, дает лишь материал для большого, законченного произведения, в которое из данного эскиза попадает, может быть, две-три удачных черточки... надо быть очень большим мастером, чтобы признать за своими эскизами самостоятельное значение и рискнуть демонстрировать их перед большой публикой» (Возрождение, 1905, № 26, с. 4).

Литературный труд, в понимании Николая Александровича, — это, помимо прочего, усилия по сопереживанию героям произведения, доходящие до подлинного страдания. Не случайно, рецензируя спектакль «Рабочая слободка» по пьесе Карпова, он пишет: «Автор не страдал сам, когда работал — и никогда ему не заставить театр поверить страданиям своих героев. Его успех — того же достоинства, как успех театрального машиниста или декоратора...» (Возрождение, 1905, № 28, с. 4).

В газете «Кавказская речь» Блатов пробует силы в качестве литературного обозревателя, фельетониста, поэта и даже светского хроникера¹. Новому направлению творчества соответствует и новый псевдоним — Н. Невский. В рубрике «На литературные темы» опубликован подписанный этим псевдонимом разбор двух произведений: «Армянская муза», сборник под ред. Ю. Веселовского и Халатьяна и «Очерки армянской литературы и жизни» Ю. Веселовского. Обращение к национальной литературе послужило поводом для высказываний Николая Александровича о национализме и оценке им данного явления. Эта оценка, демонстрирующая взвешенный и дружелюбный подход к межнациональным отношениям как нельзя более актуальна. «Одна из самых трудных задач нашего многодумного и многошумного времени, — писал Блатов — борьба с узким национализмом, какими бы пышными именами он ни прикрывался. Борьба эта трудна, между прочим, и потому, что в некоторых случаях узость, нетерпимость, болезненное самолюбие национального самосознания являются естественным результатом столетия гнета и обид, чисто психологической реакции оскорбленного национального чувства. Все, что может загладить эти несправедливые оскорбления и обиды, что может уничтожить хотя бы в слабой степени взаимное недоверие между нациями, открывая величие народной души, все, что стирает, истребляет

¹ В декабре 1906 г. администратор театра «Артистического общества» А. С. Бузен устроил свой бенефис, собравший почти полный зал. Это событие получило неоднозначную оценку в местных газетах и сопровождалось скандалом с рукоприкладством. Блатов описывает его с подробностями, которых жаждала светская публика (Кавказская речь, 1906, № 46, с. 3).

национальные предубеждения — все это в настоящее время приобретает особенно важное значение. Понять и оценить друг друга, нации, вчера еще враждебно обливавшие одна другую потоками недоверия, предубеждения, клеветы, сегодня могут протянуть руки для совместной борьбы с общими врагами, для совместной работы во имя общих идеалов» (Кавказская речь, 1906, № 37, с. 3).

По публикациям в газете «Кавказская жизнь» заметно, как крепло и искало все нового приложения перо начинающего литератора. Работы, жанр которых не имел общеглобального определения, Николай Александрович объединяет под заголовком «Мой blocnotes». Под этим названием в 1906 г. было напечатано четыре заметки, в основном события городской жизни. Первая из них представляет собой фельетон, посвященный бесследно исчезнувшему Тифлисскому «Обществу народных чтений» (Кавказская речь, 1906, № 56, с. 2). Вторая, опубликованная в последнем за 1906 г. номере газеты, — шутивное стихотворное поздравление с наступающим 1907 г. (Кавказская речь, 1906, № 57, с. 2)¹. Третья заметка написана о Тифлисском «Обществе поощрения изящных искусств» и одержанной им маленькой победе в многолетнем противостоянии с академией художеств (Кавказская речь, 1907, № 59, с. 2). Особенно следует отметить четвертую публикацию из «Мой blocnotes» — поистине блестящий фельетон о работе почтового ведомства, написанный с большим юмором и изяществом (Кавказская речь, 1907, № 61, с. 2).

Заключение

Юные годы Н. А. Блатова и его первые творческие опыты до настоящего времени не были предметом изучения. Между тем, именно тогда складывался его индивидуальный, отмеченный личными впечатлениями подход к исследованиям. В увлечениях юных лет еще не проявились в полной мере идеи работ, которые внесут заметный вклад в учетную науку, но в этих увлечениях и событиях детства и юности есть, тем ни менее, некая предопределенность.

Николай Александрович был сыном артельщика. Сорок лет жизни отца — Александра Николаевича — было отдано службе в биржевой Полуярской артели. Как мы теперь знаем, деятельность отца была связана с приемом, хранением и выдачей денежных средств, ценных бумаг и других документов. Не потому ли первые работы Николая Александровича, изданные в 1909–1910 гг., когда он только начал преподавать бухгалтерию, будут посвящены коммерческой корреспонденции и изучению образцов деловых документов (Блатов, 1909а, 1909б, 1909в, 1909–1910)? И впоследствии он будет большое внимание уделять документальной основе учетных данных. В «Балансоведении» документальность приобретет характер главного условия правдивости (верности) баланса (Блатов, 1930, с. 93).

В биржевой артели складывались своеобразные нормы «профессионального поведения» и, пожалуй, не было другого примера, который позволял бы изучить все возможные отклонения от этих «норм». Проступки членов артели — примеры их приведены в данной статье — могли бы составить пособие по изучению подделок документов, злоупотребления доверием и способов растраты имущества. Николай Александрович первым среди российских авторов систематизировал возможные приемы фальсификации балансов (Блатов, 1930).

В одной из своих театральных рецензий Блатов процитировал знаменитое восклицание К. С. Станиславского: «Не верю!». Недоверие Николая Александровича,

¹ Стихотворение подготовлено автором данной статьи для публикации в журнале «Аудиторские ведомости» (2015, № 1).

как рецензента, вызвала пьеса, в которой отсутствовала «житейская правдивость». Впоследствии «Не верю!» будет обращено им на вуалированные или фальсифицированные статьи баланса, апоиск верности баланса станет лейтмотивом всего «Балансоведения». Он сформулировал шесть признаков правильности баланса. Верность или правдивость указана первой в этом списке. К ней добавятся реальность, полнота, единство, преемственность и ясность (Блатов, 1930, с. 93). «Цель всякого баланса, — писал Блатов — дать правдивую и полную картину имущественного состояния хозяйства, а иногда и проделанной и работы; эта цель совершенно не будет достигнута, если картина лишена ясности, представляя, вместо отчетливых, доступных и понятных всякому очертаний и ярких красок, нечто смутное, неясное и расплывчатое» (Блатов, 1930, с. 104).

В написанных им рецензиях, Николай Александрович определил требования к литературному произведению, которые в дальнейшем стали характерными признаками его собственных работ: серьезность сюжета, законченность обработки глубоко продуманная идея. Одной из наиболее продуманных и завершенных идей следует признать созданные им классификации балансов. Блатов разделил балансы по источникам и срокам составления, объему, полноте оценки, содержанию и форме¹. Эта классификация вошла в историю науки и стала основой всех последующих систематизаций балансовых таблиц.

Источники

Аникин А. В. Юность науки: жизнь и идеи мыслителей-экономистов до Маркса. 4-е изд. М., 1985. Архив ИНЖЭКОНа — Архив Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета.

Блатов Н. А. Балансоведение. (Курс общий). Л., 1930.

Блатов Н. А. Коммерческая практика. Темы для практических работ по бухгалтерии в связи с коммерческой корреспонденцией и изучением образцов деловых бланков и документов. I ступень (младший курс). Тема № 1. СПб., 1909а.

Блатов Н. А. Коммерческая практика. Темы для практических работ по бухгалтерии в связи с коммерческой корреспонденцией и изучением образцов деловых бланков и документов. II ступень (средний курс). Тема № 1. СПб., 1909б.

Блатов Н. А. Коммерческая практика. Темы для практических работ по бухгалтерии в связи с коммерческой корреспонденцией и изучением образцов деловых бланков и документов. III ступень (старший курс). Тема № 1. СПб., 1909в.

Блатов Н. А. Коммерческая практика. Образцы деловых бумаг для практических занятий при изучении коммерческих наук и конторских работ. Перечень бланков с краткими практическими пояснениями. СПб., 1909—1910.

Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). СПб., 2001. Т. 1.

Возрождение. Ежедневная газета. Тифлис. 1905—1906.

Возрождение // ЭНИ (Электронное научное издание) «Периодика». № 1429. Фундаментальная научная библиотека «Русская литература и фольклор». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/periodic/default.asp?feb/periodic/rub.html>

Мейерхольд В. Э. Наследие. 2. Товарищество новой драмы. Создание Студии на Поварской. Лето 1903 — весна 1905 / Ред.-сост. О. М. Фельдман. М., 2006.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М., 1956. Т. 3.

За полтора столетия. Очерк развития Полуяростлавской биржевой артели в память ее столетия. СПб., 1908.

¹ Подробнее о классификации балансов Н. А. Блатова и современной оценке «Балансоведения» см.: (Каморджанова, 2015).

- Кавказская Речь. Общественно-политическая и литературная газета. Тифлис. 1906–1907.
- Каморджанова Н. А.* «Балансоведение» Н. А. Блатова: история и современность // *Финансы и бизнес*. 2015. № 1.
- Ковалев В. В.* Балансоведение и экономический анализ в работах российских ученых // *Бухгалтерский учет в Санкт-Петербурге. 1703–2003* / под ред. проф. Я. В. Соколова. СПб., 2003. С. 191–312.
- Лизунов П. В.* Биржевые артели Петербурга: два века истории (XVIII– начало XX в.). Отечественная история и историческая мысль в России XIX– начала XX веков: Сборник статей к 75-летию Алексея Николаевича Цамутали. СПб., 2006.
- Масанов И. Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. М., 1960. Т. 4.
- Министерство финансов. 1802–1902. СПб., 1902. Ч. 2.
- Мионов Б. Н.* Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII — начало XX века. 2-е изд., испр., доп. М., 2012.
- Немиров Г. А.* Биржевые артели в С.-Петербурге (Очерк их организации и современного состояния). Гр. Немиров. СПб., 1876.
- Новое обозрение // ЭНИ (Электронное научное издание) «Периодика». № 5428. Фундаментальная научная библиотека «Русская литература и фольклор». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/periodic/default.asp?feb/periodic/rub.html>
- Правила Взаимовспомогательной кассы при смертных случаях членов С.-Петербургской биржевой Полуярославской артели. СПб., 1896.
- Правила С.-Петербургской биржевой Полуярославской артели. СПб., 1870.
- Полянский В. С.* Артельный азарт (расценка мест в биржевых артелях). М., 1912.
- Родных К. А.* Счетоводство биржевых артелей по системе двойной бухгалтерии (итальянской). СПб., 1901.
- РГИА — Российский государственный исторический архив.
- Соколов Я. В.* Бухгалтерский учет: от истоков до наших дней: Учеб. пособие для вузов. М., 1996.
- Толбин В. В.* Ярославцы (Физиологический очерк)
- Смирнов Я. Е.* Жизнь и приключения ярославцев в обеих столицах Российской империи. Ярославль, 2002.
- Уваров И. В.* Руководство для членов биржевых артелей. СПб., 1910.
- Устав С.-Петербургской биржевой Полуярославской артели. СПб., 1889.
- ЦГИА СПб— Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга.
- Чехов А. П.* В цирюльне. Рассказы и фельетоны 1880–1884 гг. // *Чехов А. П. Собр. соч.* в 8 т. М., 1969. Т. 1. С. 11–14.
- Шершеневич Г. Ф.* Курс торгового права. Т. 1: Введение. Торговые деятели. М., 2003.
- ЭНИ (Электронное научное издание) «Словарь псевдонимов». Фундаментальная научная библиотека «Русская литература и фольклор». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/masanov/map/0.htm>